

Проф. А. В. КАРТАШЕВЪ

Св. Великій Князь ВЛАДИМІРЪ

ОТЕЦЪ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗДАНИЕ

Владимірскаго Юбилейнаго Комитета при Управленіи Митрополита Православныхъ
Русскихъ Церквей въ Европѣ

12, rue Daru - Paris (8)

Св. Великій Князь Владиміръ — отецъ русской культуры

А. В. Карташев

ПЕКАРЕВ:

Мы только еще начинаемъ пристально вглядываться въ учительный образъ отца нашей націи по плоти и по духу, въ образъ св. кн. Владиміра, только начинаемъ разгадывать и постигать его святыя завѣты. Всѣмъ извѣстныя черты его жизненнаго подвига вырисовываются предъ нами всё съ бѣльшей грандіозностью и значительностью. Надо еще много изучать умомъ и сердцемъ «Великаго кагана» нашего, равноапостольнаго Владиміра, и в целые томы должно вылиться это изученіе. Здѣсь и сейчасъ коснемся намекомъ только нѣкоторыхъ чертъ его земного служенія, являющихся для насъ его завѣтами.

Завѣтъ первый — идти по путямъ святого Православія, не смущаясь ихъ подчасъ каменистостью и тернистостью, не слушая сирень, увлекающихъ въ противоположную сторону.

Завѣтъ второй — не останавливаться на внѣшнемъ украшеніи книги евангельской золотомъ и драгоценными камнями, а самымъ дѣломъ пытаться осуществлять любовь Христову въ жизни общественной и даже государственной, создать святую Русь, христіанскій народъ, христіанскую государственность.

РАР: Таково вступление к работе профессора Антона Владимировича КАРТАШЕВА, написанной им в тысяча девятьсот тридцать восьмом году в связи с отмечавшимся тогда девятисотпятидесятилетием Крещения Руси, в Париже. Проблеме восстановления христианской государственности в России КАРТАШЕВ посвятил свою книгу "Воссоздание Святой Руси", опубликованную после второй мировой войны. К ней мы намерены вернуться в наших передачах, посвященных приближающемуся Тысячелетию Крещения Руси. Послушаем, однако, теперь первую главу работы Антона Владимировича КАРТАШЕВА "Святой великий князь ВЛАДИМИР — отец русской культуры".

ПЕКАРЕВ:

Св. кн. Владимиръ былъ восточный скандинавъ по крови и языку, но изъ тѣхъ родовъ «варяжскихъ», которые совершенно ославянились, покорились загадочному генію славянского языка, какъ покорились его стихіи и турки-болгары. Въ борьбѣ за власть онъ надолго убѣгалъ въ Скандинавію къ своимъ родственникамъ и набиралъ тамъ дружины варяговъ, съ которыми и возвращался на Русь. Здѣсь у него уже въ Кіевѣ годами жила его сородичъ Олавъ Триггвэсонъ, будущій св. Олавъ, король и креститель Норвегіи. Въ совмѣстныхъ бесѣдахъ два языческихъ конунга переживали свой нитимный религиозный кризисъ, и оба повели свои народы по христіанскому пути, Олавъ по западному, Владимиръ по восточному. Церковь тогда была еще не расколота. Вопросы о ереси римской еще не существовало. Семья Владимира роднилась черезъ браки со всѣми западными династіями латинскаго обряда. Владимиръ принималъ у себя западныхъ миссіонеровъ и папскія посольства, какъ единовѣрцевъ. И тѣмъ не менѣе, онъ сознательно предпочелъ греческій обрядъ и греческую культуру.

То былъ періодъ «ромеизаціи» и христіанизаціи сѣверныхъ «варваровъ» Европы. Въ Европѣ отъ IV—V и до XI в., чтобы перестать быть варварами, любому народу надо было прежде всего креститься, войти во вселенскую Церковь. Короли за королями, страны за странами, послѣ упорно наивной борьбы противъ креста, склоняли свои буйныя военныя головы предъ слугителями Церкви и смиренно погружались въ купель крещенія. Иначе нельзя было «выйти въ люди и вывести въ люди» свои народы. Христіанство стало единственной дверью въ культурѣ, бѣлой костью аристократизма, выводившей изъ чернаго тѣла язычества.

Этой судьбѣ мужественно и мудро покорился въ концѣ X вѣка и кіевскій князь Владимірѣ, сначала со свойственнымъ его широкому темпераменту пылкимъ, неистовымъ увлеченіемъ давшій послѣдній отчаянный бой христіанству за свою варварскую старину и этотъ бой проигравшій. Несомнѣнъ интимный духовный переломъ во Владимірѣ, превратившій его изъ Савла въ Павла. Преп^{одобный} Несторъ рассказываетъ намъ о нѣкомъ благодатномъ видѣніи, потрясеніи, откровеніи, какого удостоился кн. Владимірѣ. Оно было подобно тому, какое было св^{ятому} Евстаѣію-Плакидѣ. Грѣшный и буйный язычникъ Владимірѣ былъ натурой богоизбранной. Его обращеніе ко Христу было подлинное, интимное, глубокое. Преображеніе, его характера и разрывъ съ грѣхомъ были изумительны. Но наряду съ этимъ его личнымъ обращеніемъ у кн. Владиміра на видномъ мѣстѣ стояли и мотивы государя, вождя своего народа.

Не подлежить сомнѣнію его пылкое стремленіе — властнымъ самодержавнымъ толчкомъ ввести свою Русь въ семью культурныхъ націй. Обращеніе къ Владиміру за военной помощью со стороны византійскихъ царей Василія и Романа (987 г.) было только ускоряющимъ поводомъ къ личному крещенію кіевского князя. Ибо свою военную помощь царямъ противъ ихъ противника Варды Фокі кн. Владимірѣ обусловилъ выдачей за него замужъ сестры царей, принциссы Анны, а это требовало крещенія Владиміра. Въ его головѣ съ этимъ почетнымъ бракомъ соединялся грандіозный планъ пересадки всѣхъ полезныхъ, красивыхъ и возвышающихъ плодовъ высшей царе-

градской культуры на почву молодой, отнынѣ породнившейся съ Царьградомъ, Руси. Военная помощь Владиміра блестяще удалась. Русскіи отрядъ разбилъ въ апрѣлѣ 989 г. В^{аря}гоу подъ Хрисѡполемъ (Скутари). Тронъ царей былъ спасенъ. Но царица Анна не хотѣла идти замужъ за варвара. Владиміръ прибѣгъ къ силѣ оружія. Онъ осадилъ въ 989 г. греческую окраинную колонію въ нашемъ Крыму, Херсонесъ — («Кѡрсунъ») и въ 990 г. взялъ его. Во время осады папскіе послы приходили къ Владиміру. Просто крещеніе народа кн. Владиміръ легко получилъ бы отъ латинянъ. Но не того онъ хотѣлъ. Онъ стучался сознательно именно въ греческія двери и даже разбивалъ ихъ.

Вершиной тогдашней культуры былъ не Западъ, а Востокъ: Константинополь, священная держава «ромеевъ». Молодая западно-европейскія націи были и скромно сознавали себя еще варварами, ревностно подражавшими подлинной, наслѣдственной аристократкѣ въ культурѣ — ромейской державѣ. Кн. Владиміръ не только по географической фатальности, но и сознательно избиралъ для «ромеизаціи» (приобщенія ^{культурѣ} к ^{культуре} Русі, образецъ перваго ранга: культуру греческую, а не латинскую. Самъ полуварягъ и конунгъ, онъ смотрѣлъ на своихъ соплеменниковъ, европейскихъ конунговъ, какъ на собратьевъ по варварству, и правильно хотѣлъ быть не наравнѣ, а выше ихъ. Какъ побѣдитель, онъ требовалъ отъ грековъ на правахъ военной контрибуціи съ рукой царицы, пересадки на Днѣпръ съ Босфора, наибольшаго количества блеска византійскаго двора. Ему нужна была красота церковная и свѣтская, — не только вещи и сокровища, доступныя и грабежу варваровъ, но и учителя и художники для созданія собственныхъ знатоковъ и творцовъ наукъ и искусствъ, какихъ Владиміръ видѣлъ уже въ славянской Болгаріи. Непосредственно изъ Кѡрсуня Владиміръ вывезъ бронзовыя статуи и конную квадригу и поставилъ ихъ въ Кіевѣ на удивленіе «невѣгласовъ», которые мнили, что эти диковинки «мрамаряны». Чтобы зачаровать своихъ эстетически чуткихъ «русичей», князь-креститель построилъ храмъ Десятинной Богородицы по точной копіи столичныхъ цариградскихъ съ цвѣтными мраморами и мозаикой. Заставилъ византійцевъ дать на Кіевъ и учителей — этихъ маговъ и чародѣевъ просвѣщенія, черезъ что

чаять вскорѣ увидѣть у себя «собственныхъ Платоновъ». Начиная съ своихъ сыновей — Бориса, Глѣба, Ярослава, — мечтательный князь насильно посадилъ на учебную парту множество дѣтей «нарѣчитыя чадѣ», т. е. аристократическихъ родовъ, хотя мамы и оплакивали ихъ отдачу въ невѣдомый дотолѣ придворный пансіонъ. Изъ этой плеяды прошедшихъ правильную и высокую школу образованія юношей и былъ митрополитъ Иларионъ, нашъ вершинный писатель XI вѣка, уровня котораго русскіе писатели достигли лишь къ концу XVIII — началу XIX вѣковъ. Ярославъ Владиміровичъ старался поддержать завѣты отца, «собрá писцы многи и прекладаше отъ грекъ на словѣнское письмо и тако списаша кнѣги мнози».

Но культурная диктатура св. Владиміра кончилась, «вздергиваніе на дыбу» ослабѣло, «нарѣчитая чадѣ» кievская не увлеклась чарами греческихъ учителей, «университетъ» Владиміровъ обезлюдѣлъ, необласканные общественной любовью греческіе «философы» (такъ назывались профессора) поразбѣжались домой, и наша образованность, естественно, опустилась до уровня низшей школы, а затѣмъ и полной безшкольности. Петру вновь пришлось Россію «вздернуть на дыбъ». Но въ основѣ дѣло *просвѣщенія* Руси св. Владиміромъ было прочно заложено на вѣка. Какъ и всѣмъ европейскимъ народамъ, первую письменность и общеевропейское, общечеловѣческое просвѣщеніе принесла Церковь. Связанное съ христіанскимъ состояніемъ, близкое культурное общеніе со всѣмъ европейскимъ міромъ разъ навсегда сдѣлало русскихъ участниками античнаго наслѣдства и участниками въ продолженіи и творчествѣ европейской культуры. При этомъ нашъ креститель погрузилъ насъ въ греческую, а не римскую купель, и этимъ отдѣлилъ насъ во многомъ отъ западныхъ братьевъ по вѣрѣ и культурѣ. Но въ конечномъ счетѣ это только наше счастье и благословенный призывъ къ оригинальности, къ созданію новаго, цѣннаго варіанта христіанской культуры, варіанта восточно-европейскаго. Если западный міръ и заинтересовывается все болѣе плодами нашего духовнаго творчества, то не только потому, что мы не лишены таланта, но и потому, что изъ глубины нашей души слышится новая, невѣдомая ему музыка. Это-музыка родившаяся изъ иного религіознаго дѣтства русской націи, изъ иного его воспитанія. Тернисть былъ и, можетъ быть, будетъ нашъ восточно-европейскій историческій путь въ нѣкоторой особности, отдѣльности отъ западно-ев-

ропейскаго міра, но и благословененъ, ибо въ немъ заложена надежда нашей своеобразности въ культурѣ и даже возможности на нѣкоторый историческій періодъ нашей духовной гегемоніи.

Итакъ, русская культура, какъ одна изъ культуръ восточно-европейскихъ, родилась въ тотъ моментъ, когда Владиміръ Святой, послѣ долгихъ размышлений и борьбы конкурирующихъ вліяній, сознательно избралъ византійскую крещальную купель и въ нее рѣшительно привелъ и весь русскій народъ. Это былъ моментъ опредѣляющій, провиденціальный для всей нашей исторіи. И по мистическому ученію Церкви, крещеніе есть «неизгладимая печать», и фактически душа русскаго народа какъ будто случайно, какъ будто сверху и по государственному принужденію, крещена, но стала исторически «запечатлѣнной» Православіемъ. Князь - «Красное Солнышко» такимъ образомъ сформировалъ коллективную историческую душу народа и сталъ истиннымъ отцомъ - родителемъ нашей культуры. Подавляемые культурными успѣхами Запада, нѣкоторые изъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ сомнѣвались въ положительномъ значеніи дѣла св. Владиміра и даже, какъ парадоксально смѣлый Чаадаевъ, считали его нашимъ несчастнымъ рокомъ. Въ противоположность имъ, не смущаясь никакими внутренними трагедіями нашей культуры и, наоборотъ, видя въ нихъ знаменіе великаго призванія. — мы признаемъ восточную купель св. Владиміра Божіимъ благословеніемъ нашей исторіи. Если мы это еще не осознали во всей силѣ, не осознали, что безъ православнаго корня нѣтъ русской культуры, ибо безъ Православія нѣтъ и русской души, родящей изъ себя культуру, если мы еще не чтимъ ярко и достойно отца нашей православности — крестителя Руси, это только признакъ незрѣлости нашего національнаго самосознанія.

К о н е ц

СВЯТОЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР — ОТЕЦ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

№ 2

А.В. КАРТАШЕВ

ПЕКАРЕВ:

Другой завѣтъ кн. Владиміра — создать святую, праведную, евангельскую, Христову Русь не по имени только, но и по самому житію. здѣсь, на нашей грѣшной землѣ, едва ли нами ясно сознается, а нѣкоторыми даже и не подозрѣвается.

Святой князь потрясъ сердца современниковъ и, что особенно знаменательно, сердца простого народа, своимъ щедрымъ гостепріимствомъ, своимъ нищелюбіемъ. Что это? Княжескій обычай баловать свою дружину, пережитокъ языческаго разгула, личная щедродѣтельность, широкая русская натура? Можетъ, всего есть понемножку. Но это не интересно и не объясняетъ главнаго, какъ не интересны вообще убого-трезвыя, якобы единственно научныя объясненія явленій духовныхъ. «Душевный» человѣкъ не пріемлетъ того, что есть отъ Духа Божія». Главное въ этомъ явленіи не отъ плоти и внѣшнихъ причинъ, а отъ Духа Божія. Который, по драгоцѣннѣйшему для насъ свидѣтельству преподобнаго Нѣстора, чудеснымъ путемъ привелъ кн. Владиміра къ св. купели. И, «отрясши въ ней слѣпоту душевную вкупѣ и тѣлесную», св. Владиміръ, по слову митрополита Иларіона, «возгорѣлся дѣхомъ и возжелалъ сердцемъ быть христіаниномъ и обратитъ всю зѣмлю въ христіанство». Благодатно восхотѣлъ исполнить завѣты евангельскіе не по имени только, но на самомъ дѣлѣ. Всѣ свидѣтели, близкіе почти современники св. князя, въ одинъ голосъ говорятъ о чемъ то въ этомъ отношеніи совершен-

но необычайномъ, изъ ряду вонъ выходящемъ. Мнихъ Іаковъ и святость кн. Владиміра не считаетъ нужнымъ доказывать отъ посмертныхъ чудесъ. — такъ она самоочевидна отъ его необычайныхъ иныхъ дѣлъ: «отъ дѣлъ познати, а не отъ чудесъ».

Въ чемъ необычность дѣлъ св. Владиміра? М^{итрополит} Иларіонъ такъ похваляетъ его: «Радуйся, учитель нашъ и наставникъ благовѣрія! Ты былъ облеченъ правдой, препоясанъ крѣпостью, вѣнчанъ смысломъ и украшенъ милостыней, какъ гривной и утварью златой. Ибо ты, честная глава, былъ одеждой нагимъ, ты былъ питателемъ алчущихъ, былъ прохладой для жаждущихъ, ты былъ помѣщикомъ вдовицамъ, ты былъ успокоителемъ странниковъ, ты былъ покровомъ не имѣющимъ крова, ты былъ заступникомъ обидимыхъ, обогатителемъ убогихъ». Слова эти могли бы показаться и просто похвальной риторикой, если бы не углублялись и не освѣщались другими данными. Характерно и тутъ поставленіе «милостыни» или филантропіи св. князя въ ряду его княжескихъ, а не просто личныхъ добродѣтелей: «правды и крѣпости». А филантропія уподобляется княжескимъ регаліямъ — гривнамъ и эмблѣмамъ, украшающимъ грудь властителя и выражающимъ идеальныя задачи его служенія, по нынѣшнему — его правительственную программу. Дѣйствительно, то, о чемъ говорить лѣтопись. — не личная только благотворительность князя. Это социальная помощь въ государственномъ масштабѣ. «Повелѣ», читаемъ въ лѣтописи: «всякому нищему и убогому приходи́ти на дворъ княжь и взимати всяку потребу — питье и яденіе и отъ скотыни кунами» (т. е. изъ казначейства денежную пенсію). «Устрои же и се рекъ: «яко немощни и больни не могутъ долѣсти двора моего» — повелѣ пристроити кола и вскладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овошь различный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, вопрошающимъ, гдѣ больни и нищъ, не могли ходити? Тѣмъ раздѣлаху на потребу». Чтобы не оставалось у насъ сомнѣнія, что эта княжеская филантропія не ограничивалась столицей или предѣлами дворцовыхъ имѣній, мнихъ Іаковъ, касаясь этого вопроса, опредѣленно поясняетъ, что св. Владиміръ установилъ это, какъ систему рѣшительно во всемъ государствѣ до деревенскихъ захолустьевъ включительно. «Болѣ всего бѣше милостыню творя князь Володімеръ: иже немощни и старѣи не можаху дойти княжа двора и потребъ взяти.

то и въ дворъ имъ посылаше: немощнымъ и старымъ всяку потребу блаженный князь Володимеръ даяше. И не могу сказа́ти многія его милостыня; не токмо въ дому своему милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, но и по всей землѣ русской, и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагія одѣвая, алчныя кормя и жадныя напаяя, странныя покая милостию; нищая и сироты и вдовицы и слѣпыя и хромыя и трудоватыя вся милуя и одѣвая и накормя и напаяя».

Историческіе свидѣтели передаютъ съ восторженнымъ изумленіемъ не только о широтѣ этого опыта христіанскаго рѣшенія соціального вопроса сверху, въ рамкахъ цѣлаго государства, волей христіанскаго монарха, но и о мотивахъ его, тоже потрясающихъ христіанскую мысль. Житія святыхъ полны изумленіемъ предъ рѣшеніемъ духовныхъ героев — по одному только слышанію слова евангельскаго въ цѣркви все оставить, взять крестъ свой и пойти за Христомъ. То же сообщаетъ лѣтопись и о кн. Владимірѣ: «Бѣ бо любя словеса кнѣжная; слыша бо единою евангеліе чтомо: блаженіи милостивіи, яко ти помилуваніи будутъ; и паки: продайте имѣніа ваша и дадите нищимъ; и паки.... Си слышавъ, повелѣ всякому нищему убогому» и т. д., что мы приводили уже выше. То же самое говоритъ и м. Иларіонъ, что св. князь «не до слышанія стави глаголанное, по дѣломъ сконча слышанное», т. е. не хотѣлъ слова евангелія оставлять просто для услажденія слуха, но рѣшилъ осуществить ихъ на дѣлѣ.

Можно себѣ представить, какъ долженъ былъ поразить воображеніе языческаго народа этотъ неслыханный опытъ — во всемъ государствѣ утолить всякую нужду! Какая пертурбація должна была произойти въ системѣ государственнаго хозяйства и финансовъ! Не-

даромъ преданіе и былины такъ запомнили щедроты «ласковаго князя — Краснаго Солнышка». «Твоя бо щедроты и милостыня», говоритъ м. ^{итрополит} Иларіонъ, «и нынѣ въ человецѣхъ поминаеми суть».

Тотъ же м. ^{итрополит} Иларіонъ сообщаетъ намъ, что св. Владиміръ, «часто собираясь съ новыми отцами, нашими епископами съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ установитъ законъ сей среди людей, недавно познавшихъ Господа». Это не иначе можно понять,

какъ совѣщанія съ іерархіей не по миссіонерскимъ только вопросамъ, а скорѣе по вопросамъ проведенія въ жизнь всего государства «закона» христіанскаго, какъ совѣщаніе о посильномъ осуществленіи Царства Христова на землѣ. Смѣлость замысловъ св. князя въ этомъ направленіи подтверждается и лѣтописью. Проникаясь духомъ евангельскимъ, св. Владиміръ переживалъ въ своей совѣсти со всей силой нравственную антиномію государственной силы и личного всепрощенія. Онъ тяготился долгомъ меча казнящаго. И епископамъ приходилось успокаивать его чуткую совѣсть: «живяше же Володимеръ въ страсть Бжїи, и умножишися разбѣве, и рѣша епископы Володимеру: се умножишася разбѣйници, почто не казниши ихъ? Онъ же рече имъ: боюся грѣха. Онѣ же рѣша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достѣитъ ти казнити разбѣйника, но со испытѣмъ. Володимеръ же отвѣргъ вѣры, нача казнити разбѣйника».

Св. Владиміръ не впалъ въ сектанство и покорился мудрымъ совѣтамъ Церкви, не признающей насильственного введенія евангельскихъ нормъ въ жизнь черезъ принудительный механизмъ государства. Не превратилъ въ мѣртвый законъ и своихъ широкихъ филантропическихъ мѣръ, подсказанныхъ ему лично его пламенной христіанской любовью. Онъ не создалъ карикатуры христіанскаго государства, но осуществлялъ его въ предѣлахъ заповѣди Христовой постольку, поскольку лично ему, облагодѣтствованному властителю, даны были дары Духа «вспоможенія, управленія». Въ наслѣдство своимъ преемникамъ св. Владиміръ не оставилъ никакихъ радикально измѣненныхъ основныхъ законовъ, предоставляя имъ быть слугами Христовыми въ мѣру ихъ даровъ духовныхъ. И его святые сыновья Борисъ и Глѣбъ не были социальными реформаторами, а скорѣе аскетами и молитвенниками, въ иномъ стилѣ исполнявшими завѣты Христовы.

Такимъ образомъ, въ началѣ русскаго христіанства былъ моментъ исключительнаго порыва къ исполненію евангельскаго идеала, подобный порыву первобытной іерусалимской Церкви къ самоотверженному общенію имуществъ. Аналогичные порывы у сектантовъ — монтаністовъ, павликіанъ, вальдѣнсовъ, анабаптистовъ, приводили къ

извращеніямъ фанатизма и деспотіи, ибо выпадали изъ подъ руководства благодатной мудрости Церкви и подчинялись человѣческому своеволю и гордынѣ. Не то было въ жизни первохристіанской общины и въ дѣлѣ св. Владиміра. Это были порывы, покорные волѣ Духа Святаго и въ мѣру подлинной свободной любви Христовой. И, какъ вѣяніе Св. Духа, эти чудесныя достиженія приходили и проходили, подобно видѣніямъ и обѣтованіямъ царства Христова, не окаменѣвая въ фальшивомъ насильствующемъ законѣ. Въ первенствующей Церкви была эпоха чрезвычайныхъ дарованій. И первоначальную исторію русской Церкви озарилъ благодатный лучъ Царства Христова, прошедшій черезъ великое сердце Владиміра, Великаго не по титулу только, но и по благодатному «дару вспоможенія, управленія», ему ниспосланному. И св. князь не преткнулся на своемъ пути. За 1000 лѣтъ до Льва Толстого онъ отвѣтственно, сидя на княжемъ судилищѣ, пережилъ антиномію мечѣ и принялъ въ сердце трагедію его по внушенію Церкви, такъ же точно за 1000 лѣтъ до новѣйшихъ соблазнитель хлѣбами, св. Владиміръ сдѣлалъ все, что могъ для помощи меньшей братіи, какъ устроитель и реформаторъ государства, и не пролилъ рѣкъ крови и не заковалъ народъ во имя «свободы, равенства и братства», въ цѣпи рабства, подобно антихристіанскимъ «народолюбцамъ» нашихъ дней.

Въ наши дни апокалиптическихъ искушеній міра и русской массы властью, хлѣбами и чудесами техники предъ русской Церковью во всей неотвратимости всталъ міровой социальный вопросъ со всѣми его соблазнами. Креститель нашъ далъ намъ примѣръ, какъ вести себя на этомъ труднѣйшемъ пути. Христіанскій народъ, христіанскіе дѣятели, христіанская власть прежде всего должны сдѣлать все возможное для проведенія во всѣ стороны жизни націи заветовъ любви евангельской, организовать дѣло христіанскаго братолюбія на уровнѣ современной намъ социальной техники. Но народъ и власть могутъ праведно осуществлять это дѣло только въ мѣру данности любви Христовой въ сердцахъ самихъ творцовъ, и исполнителей. Безъ этого духовнаго, благодатнаго основанія, одна механика добра превращается въ безсильное, фальшивое и злое дѣло. Христіанское социальное дѣланіе можетъ быть только внутренне свободнымъ. Такъ сумѣлъ вести себя не частный одиночный христіанинъ, а государь

земли русской. Его завѣтъ намъ: христіанизація общественной жизни не на путяхъ внутренняго насилія сектантства и внѣшняго насилія коммунизма, а на путяхъ церковнаго разумѣнія христіанской свободы.

Русская земля, а съ нею и русская Церковь, не могутъ не быть носителями «великой совѣсти». Нынѣшняя тиранія безсовѣстности лишь временное наваждѣніе. Существующіе типы культуръ сложились еще въ доисторическія тысячелѣтія и до сихъ поръ остаются въ главномъ неизмѣнными. 20 лѣтъ извращенческаго перевоспитанія не измѣнятъ духовной глубины русскаго генія. Онъ вспомнитъ праотца своей культуры, человека великой совѣсти, св. кн. Владимира и возгорится желаніемъ исполнить его завѣтъ.

К о н е ц

СВЯТОЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР — ОТЕЦ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

№ 3

А. В. КАРТАШЕВ

ПЕКАРЕВ:

Оглядываясь на наше историческое прошлое в настоящие искушительные дни омрачения русской души народной, мы должны почерпнуть бодрящую уверенность, что русская колея не сбилась с направления, данного Владимиром Святым, что Русь навсегда устояла в Православии и духом и откровениями Православной Церкви навсегда запечатлены плоды отныне мировой русской культуры.

Не оторвалась Русь от восточного типа христианства под ударом монгольского нашествия, как ни заигрывали галицко-волинские князья с латинским западом.

Не пошла она и за своей водительницей Византией в XV веке на унию с Римом, когда вел. кн. Московский Василий Васильевич в 1441 г., предвосхищая и выражая общественное мнение своей страны, изгнал принесшаго унию митрополита — грека Исидора. Это отвержение московской Русью флорентийской унии, по верной характеристик нашего историка Соловьева, «есть одно из тех великих решений, которые на многие века вперед определяют судьбу народов... Верность древнему благочестию, про-

возглашенная вел^{ИКИМ} кн^{ЯЗЕМ} Василиемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность сѣверо-восточной Руси въ 1612 г., сдѣлала невозможнымъ вступленіе на московскій престолъ польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великой, условила паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова». Мысль историка бѣжить по чисто политической линіи. Но параллельно и по линіи культурнаго интереса мы должны отмѣтить моментъ отказа отъ уніи, какъ моментъ, ведущій за собой цѣлую эпоху. Послѣ этого внутреннее отъединеніе русскаго міра отъ Запада, подъ воздѣйствіемъ вспыхнувшей мечты о Москвѣ — Третьемъ Римѣ, уже твердо закрѣпило особый восточно-европейскій характеръ русской культуры, котораго не стерла ни внѣшне, ни тѣмъ болѣе внутренне, великая западническая реформа Петра Великаго.

Такъ проведена была православной Церковью грань, черта, иногда углубляющаяся, какъ ровъ, иногда возвышавшаяся, какъ стѣна, вокругъ русскаго міра, въ младенческій и отроческій періодъ роста національной души народа, когда успѣли въ ней крѣпко залечь и воспитаться отличительныя свойства ея «коллективной индивидуальности» и ея производнаго — русской культуры. Таково, такъ сказать, онтологическое вліяніе православной Церкви на русскую культуру.

Другое всѣмъ извѣстное воздѣйствіе русской Церкви касается еще не самой сердцевины культуры, но ея важной составной части — во-первыхъ, и ея мощнаго условія — во-вторыхъ. Разумѣемъ воспитаніе Церковью, на основѣ восточно-каноническаго и, въ частности, византійскаго ученія о православномъ царствѣ, русской государственной власти въ духъ теократическаго самодержавія, глубоко измѣненнаго затѣмъ Петромъ В^{ЕЛИКИМ}, и перешедшаго съ той поры въ значительной мѣрѣ въ свѣтскій^{МИДСКОЙ} абсолютизмъ.

Рядъ частныхъ сторонъ государственнаго, правового и социального строя древней Россіи отразилъ на себѣ вліяніе образцовъ и идей византійской церковности. Блестящій анализъ этой матеріи въ примѣненіи къ домонгольскому періоду далъ Ключевскій, показавшій,

какъ преобразовывалось по Номоканону наше право — уголовное, гражданское, имущественное, обязательственное, семейное, брачное, какъ возвышалась женщина, какъ таяла холопская неволя, обуздывалась кабала ростовщичества. Анализъ Ключевскаго примѣнимъ въ извѣстной мѣрѣ и ко всей старорусской эпохѣ: и къ Судебнику Иванова III и IV-го и даже къ Уложению царя Алексѣя Михайловича. Правда, въ этой полосѣ византийскихъ вліяній есть и обратная сторона, — напр., внесение къ намъ карательной жестокости, вмѣсто прежняго битья по карману. Всѣ знаютъ, какъ ^{греческие} епископы убѣждали «ласковаго князя» Владиміра ввести смертную казнь для уголовныхъ.

Роль Церкви огромна и въ области матерьяльной культуры, въ сферѣ народно-хозяйственной и государственно-національной. Церкви и особенно монастыри, обеспеченные въ древней Руси почти единственной тогда натуральной валютой — земельными угодьями, приняли гигантское участіе въ хозяйственномъ строеніи русской земли, наряду со всѣми служилыми и тяглыми классами населенія. Они колонизовали лѣсныя дебри и болота, подымали земельную новь, насаждали промыслы и торговлю. Къ XVI в. церквамъ и монастырямъ принадлежала одна треть всей государственной территоріи съ правами судить и рядить сидѣвшее на ней населеніе, хозяйствовать, собирать подати и поставлять рекрутовъ. Это было раздѣленіе съ центральной властью труда государствованія, это былъ какъ бы особый громадный удѣлъ въ общемъ тѣлѣ государства. То специфическое, что въ связи съ этимъ дѣлали церковныя силы, заключалось не въ хозяйствованіи и государствованіи, а въ христіанизации и инородцевъ, стоявшихъ на низшей ступени культуры въ сравненіи съ христіанской Россіей.

Но самое специфическое, самое прямое и въ то же время универсальное вліяніе Церкви, конечно, относится къ области просвѣщенія и воспитанія народнаго міровоззрѣнія, т. е. къ самой душѣ культуры. Вѣра и культъ требовали минимальной грамотности, книжности и искусства и при томъ въ широкихъ общенародныхъ масштабахъ. Школа, книга и наука были столѣтїями почти исключительно церковными. И все литературное и умственное творчество или было прямо церковнымъ или проникнуто церковнымъ духомъ. Міръ дру-

гихъ искусствъ, доступныхъ древней Руси, также естественно быть почти всецѣло міромъ религіознымъ. На алтарь церковнаго культа принесены были всѣ усилія меценатовъ и творцовъ. Архитектура, живопись, музыка воплотились въ памятникахъ чисто церковныхъ. Здѣсь исторія русскаго національнаго искусства почти совпадаетъ съ церковной археологіей. Міровой вершиной достижений въ этой сферѣ является наша древнерусская икона — шедевръ мистически чарующей, неземной красоты.

Къ просвѣщенію церковному, привившему народу элементъ общей культуры, присоединялось и все разнообразіе чисто духовныхъ, въ собственномъ смыслѣ религіозныхъ вліяній Церкви на совѣсть и душу націи. Воспитательный результатъ этихъ просвѣтительныхъ и духовническихъ вліяній Церкви отложился въ православномъ интимномъ ликѣ русской народной души. Она пропиталась главными стихіями Православія: аскетизмомъ, смиреніемъ, сострадательнымъ братолюбіемъ и эсхатологической мечтой о праведномъ, сіяющемъ умной красотой градѣ Божіемъ.

Эта робкая душа, напуганная злобщей западно-русской уніей 1596 г. въ Брестѣ-Литовскѣ (роковой городъ въ исторіи Россіи!), угрозой латинства въ Смутное время и надвигающейся волной латино-польской культуры при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, метнулась въ расколъ старообрядчества, убѣжала въ дѣса и подполье и закрѣпилась тамъ подъ впечатлѣніями совершенно чуждой и жуткой для нея стихіи Петровской реформы и новаго европейскаго просвѣщенія. Дѣтски искреннее чутье этой души не обмануло ее. Съ Петромъ пришло на Русь и воцарилось на ней совершенно иное просвѣщеніе, идущее отъ иного корня, имѣющее иное основаніе. Тамъ цѣлью было небо, здѣсь — земля. Тамъ законодателемъ былъ Богъ, здѣсь — автономный человѣкъ съ его мощью научнаго разума. Тамъ критеріемъ поведенія было мистическое начало грѣха, здѣсь — хотя и утонченная, но, въ концѣ концовъ, утилитарная мораль общежитія. Петръ сдѣлалъ Россіи прививку великихъ переживаній Возрожденія и Гуманизма, и она блестяще удалась. Черезъ 50 лѣтъ мы имѣли русскую Академію Наукъ въ лицѣ Ломоносова, а черезъ 100 лѣтъ — Пушкина. Пушкинъ, какъ зачарованный близнецъ, какъ двойникъ солнца, всѣмъ существомъ былъ устремленъ къ Петру. Онъ выявилъ этимъ

свое мистическое сродство съ прометеевскимъ, человѣческимъ, только человѣческимъ гениемъ Петра. Пушкинъ былъ величайшимъ изъ иппенцевъ гнѣзда Петрова, адекватнымъ порожденіемъ его неосознанной гуманистической религіи. Петръ мечталъ дать Россіи европейскую интеллигенцію, и онъ далъ ее въ лицѣ Пушкина. Въ Пушкинѣ свершились всѣ пріобрѣтенія Возрожденія и вѣка Просвѣщенія. Онъ сталъ непререкаемымъ и неотмѣняемымъ доказательствомъ европейской природы и европейскаго призванія русскаго гениа.

Пушкинъ есть, какъ знаменательное начало нашего европеизма, такъ и нѣкоторый конецъ этого неповторимаго стиля. Уже у современниковъ Пушкина — Лермонтова и Гоголя — слышны инныя, сдѣланныя ноты въ творествѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ этихъ диссонансовъ больше во всѣхъ духовно-культурныхъ переживаніяхъ русскаго интеллектуальнаго слоя. Есть, конечно, въ литературѣ и пушкинская линія. Но конфликтъ Гоголя и Бѣлинскаго открылъ серію моральныхъ драмъ и страстной борьбы въ душѣ русскихъ культурныхъ людей. Въ разныхъ измѣреніяхъ, въ разной постановкѣ, все время, русскую культуру, ея духовную глубину будоражатъ трагическіе вопросы. Изъ области чистой мысли, гдѣ ихъ воплощаютъ Толстой и Достоевскій, они бурями проносятся надъ областями и общественности и политическаго идеализма. Трагизмъ, кричащій трагизмъ, охватываетъ русскую душу. О классической безоблачности Пушкина нѣтъ и помину. Съ ней прямо враждуетъ, какъ съ чѣмъ то чужимъ, сначала гимназически-раціоналистическая писаревщина, а затѣмъ сектантски-моралистическое народничество, да по пути и толстовство. Царственное спокойствіе Пушкинскаго культуроносительства и вмѣстѣ съ нимъ косномедлительное государственное культуроносительство вызываютъ фанатическую вражду въ цѣлыхъ поколѣніяхъ душъ, алчущихъ безмѣрной правды соціальной, жаждущихъ освѣжающихъ катастрофъ и революцій и вѣрующихъ въ апокалипсисъ совершенно новой жизни на землѣ съ утѣшеніемъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Стремятся къ этому героически, аскѣтствуя внутренно и даже по внѣшности, истаеая отъ альтруизма, жертвуя личнымъ благополучіемъ за счастье меньшей братіи.

Что все это, какъ не знакомы намъ существенныя черты воспитанной древнерусскимъ Православіемъ русской національной души? Это ея аскетизмъ, смиреніе, сострадательная любовь и исканіе града нездѣшняго въ своеобразномъ преломленіи сквозь новое внѣрелигіозное, свѣтское европейское міровоззрѣніе. Она вырвалась изъ подъ спуда, эта тысячелѣтняя оправославленная русская душа и запечатлѣла своимъ трагически мистическимъ, почти апокалиптическимъ тономъ всю новую русскую культуру, чѣмъ и привлекаетъ къ себѣ подсознательно вниманіе всего міра, какъ что то необычайное, какъ нѣкая музыка будущаго.

Характеръ творчества въ русской культурѣ явно вырисовывается, какъ жажда новаго синтеза гуманистическаго достоянія античной и западно-европейской культуры съ абсолютной правдой Православія. Глубоко оправославленная русская душа, пройдя съ нѣкоторой пассивной подавленностью XVIII-й вѣкъ своей учебы, получивъ внѣшній аттестатъ зрѣлости, начала давать себя чувствовать во всемъ процессѣ творчества, окрашивая всѣ виды его изнутри излучаемымъ духомъ Православія. Чужестранный мистицизмъ конца XVIII и начала XIX в. былъ только подготовительной школой. Въ 40-е годы уже начинается прорывъ свѣтски-православнаго творчества. Гениально богословствуетъ Хомяковъ и сгораетъ отъ изверженія аскетическаго вулкана изъ его православной души Гоголь. Язычески чарующій Пушкинъ, магіей своего совершенства, какъ бы закупорившій всѣ возможности для православной мистики, словно напугать православныя души послѣднимъ удушеніемъ. И они взбунтовались и вырвались изъ своей глубины, завопили *de profundis*. Достоевскій, возненавидѣвшій живого Бѣлинскаго за его антиправославіе, преклонился, однако, предъ Пушкинымъ. Почему? Да потому, что Пушкинъ, какъ бы внѣправославенъ. И у Достоевскаго, подниавшаго русскій творческій синтезъ на необычайную высоту, сочетавшаго православныя основы своей души съ высшими и подлинными цѣнностями европейской культуры, нашлись силы восторженно возрадоваться и поклониться Пушкину, ибо Пушкинъ далъ намъ живое слагаемое для искомаго синтеза. Безъ него не къ чему было бы приложить то православное содержаніе, которое Достоевскій носилъ въ душѣ для міровыхъ цѣлей. Толстой уже не вынесъ этой задачи синтеза. Онъ пожертвовалъ культурой, а съ ней и Пушкинымъ. Его разѣла уксусная кислота аскетиз-

ма и состраданія, безъ надлежащаго въ православномъ смыслѣ смиренія и мистики апокалипсиса. Творчество Толстого сложилось также на внутреннемъ землетрясеніи православной стихіи его души. только осложненной свойственнымъ рускому типу раціонализмомъ. Вл^{адимир} Соловьевъ, синтетикъ и модернизированный христіанинъ, уже не гармонировалъ душой съ Пушкинымъ, потому что возглавлялъ современное намъ поколѣніе культурныхъ работниковъ, сознательно и планомерно взявшихъ за синтезъ Православія и современности. Богословскому уму Соловьева слишкомъ уже ясны языческіе корни драмы Пушкина, возвратъ къ которому совершенно закрытъ для эпигоновъ соловьевства.

Не просто православные резонансы, а уже специально православное течение въ русской культурѣ, въ ряду другихъ теченій, настолько сильно и талантливо сложилось до революціи, и сейчасъ имѣетъ свое продолженіе и своихъ послѣдователей, что умѣстенъ вопросъ о его судьбѣ въ новой, освобожденной Россіи.

Будетъ ли русская культура религіозной въ смыслѣ Тоголя, Толстого, Достоевскаго, старыхъ славянофиловъ, Вл^{адимир} Соловьева, С^{ергія} и Е^{вгена} Трубецкихъ, Леонтьева, Розанова и нашихъ живыхъ современниковъ? Какое же можетъ быть въ томъ сомнѣніе! Развѣ мы Иваны Непомнящіе? Но это не значитъ, что русская земля превратится въ принудительный православный монастырь.

Будетъ просто свободное соревнованіе на побприщѣ культурнаго творчества, талантовъ и группъ православныхъ, инаковѣрующихъ и невѣрующихъ. И нѣтъ сомнѣнія для насъ — православныхъ, что въ этомъ свободномъ конкурсѣ, подъ стягомъ св. Владимира, нашего небеснаго заступника, завѣщавшаго намъ подвигъ православной культуры, христіанской государственности и праведнаго соціального строя, — мы побѣдимъ.

К о н е ц